

Волков К.А.

Кораблекрушение ЖИЗНИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кирилл Волков

Кораблекрушение жизни

<https://litres.ru/74615709>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тим согласился стать учеником странного старика, который называет себя полубогом. Лев учит его видеть «тонкий план», сражаться с ведьмами и вспоминать прошлые жизни. Тим верит. Ведь учитель знает всё — кем ты был, кем станешь и когда умрёшь.

А потом Тим встречается Машу. Девушку, которая видит в нём не оружие, а человека.

Лев этого не прощает.

Магический реализм. Мистика. История о любви, которая сильнее одержимости — и о том, как легко её уничтожить, если перепутать свет с собственной тенью.

Содержание

Счастливая реальность	4
Морок	13
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Кораблекрушение жизни

Счастливая реальность

За громадными, столетними ветвями деревьев, в таком сказочно-дремучем лесу, что уже сложно найти в наш век, под вечерним сводом серого, занесённого мрачными слоистыми тучами осеннего неба, танцевала пара. Ручей скользил по небольшой, скрытой от посторонних глаз поляне, огибая массивный камень. На этой глыбе удобно устроился фавн, который насвистывал на своей старой, как мир, деревянной флейте очаровательную мелодию для танца.

Нельзя было сказать, что пара танцевала в какой-то определённой последовательности движений. Названию этого танца скорее подошёл бы индийский божественный танец «раса», чем привычные нам земные пляски. Может быть, пара вообще стояла на месте, а танец происходил где-то далеко, за пределами понимания реальности как таковой. Может быть, пара левитировала над поляной, а весь мир под их ногами незаметно исчезал в мистической дымке времени. Может быть, ничего того, что я описываю, вообще не было. А может быть, этот танец продолжается и прямо сейчас.

Возлюбленная и возлюбленный. Девушка, воздушная брю-

нетка с волнистыми волосами по статную грудь, светилась счастливыми глазами и яркой влюблённой улыбкой. Её глаза завораживали своей глубиной, в них можно было окунуться, раствориться в песках карих барханов. Она смотрела на своего кавалера долго, почти не моргая, поглощая этим жадным, даже опасным, взглядом. Возлюбленная видела мир идеалистически, может быть именно поэтому её украшала идеально-белая нежная кожа и идеально-чёрное длинное платье с открытыми плечами...

— Почему чёрное платье?! — недоумённо воскликнула возлюбленная, с уже привычным возлюбленному азартом в глазах, — Я видела себя в белом платье!

— Потому что ты идеалистка, — спокойно, немного заигрывая, ответил возлюбленный.

— Какая ещё идеалистка? — заулыбалась она.

— Во-первых, моя идеалистка. Во-вторых, у тебя всё должно быть идеально, — ответил с широкой улыбкой он.

Возлюбленная робко поправила волосы, но тут же, не понимая ход мыслей партнёра, спросила:

— И что это значит?

— Это значит, что у тебя, как ты сама знаешь, идеально-белая нежная кожа и в противовес к этому идеально-чёрное платье, — продолжал возлюбленный.

Она покачала головой с выражением, по которому бессловесно можно было понять: «Туше».

— Это ты идеалист, — сказала она, подмигивая, — сам

ведь написал этот отрывок.

Возлюбленный, подмигивая в ответ, осторожно поднял руку к прекрасным чёрным волосам девушки:

— Да. И главный мой идеал – это ты, солнце.

Возлюбленная приложила свою бледную щёку к руке партнёра:

— Луна, милый.

Он нежно смотрел в её горящие, игривые глаза. Резко опустившись к розоватым, приторно-сладким опьяняющим губам, возлюбленный поцеловал девушку. Сначала лёгкий и еле-заметный, темп поцелуя быстро сменился на страстное пожирание языков друг у друга.

Возлюбленный в порыве нежности целовал девушку с закрытыми глазами, но сейчас открыл их и обнаружил, что она жадно смотрит партнёру прямо в глаза.

Они постепенно расцепились.

— Почему ты так смотрела на меня? — улыбаясь, недоумённо спросил он.

Девушка мило засмеялась:

— Ты закатываешь глаза от наслаждения, когда целуешь меня. Мне нравится на это смотреть.

Они посмеялись.

Вокруг то и дело ходили люди. Пара сидела в торговом центре на окраине Москвы. Когда они были рядом, весь мир вокруг исчезал. По крайней мере, так казалось возлюбленному, потому что он не замечал ничего и никого, кроме неё.

Девушка часто говорила партнёру, что иногда во время поцелуев видела пьялившихся людей. Смущение возлюбленной только раззадоривало его.

— Скажи, — вернулась к отрывку девушка, — из какой гробницы ты откопал фразу «в сказочно-дремучем лесу»? — засмеялась она, — ты у нас фольклорист?

— У нас – это у кого? — придрался он к вопросу с улыбкой, — Это всё очень сыро, я потом переделаю.

— Ну-ну, — ехидно послышалось в ответ.

«Да-да», — про себя подумал парень, наивно-уверенный в том, что девушка не оценивает его ум по достоинству.

Девушка опрокинула голову на плечо возлюбленного.

«Опять он сидит с кислой миной, — думала она, искоса глядя на лицо парня, — Как же ему идёт улыбка! А он, дурак мой, всё время делает такое лицо, как будто сейчас улетит в космос. Какой космос, милый? Твоя вселенная уже лежит на твоём плече!»

Она гладила своими тонкими нежными пальцами с (о Боже, почему он не восхищается моими новыми типсами каждую секунду?) белым заострённым маникюром его юношескую, уже начинающую грубеть, руку. Возлюбленной нравилось осознавать, что на этой руке теперь есть подаренный ею браслетик, который в паре с её браслетиком на магните скреплялся в милое маленькое сердечко. Так как защёлка браслетика была очень неудобной, девушка знала, что парень никогда не снимает его, а значит – никуда от неё не де-

нется.

На его плече она чувствовала себя окутанной плащом со всех сторон. На этом плече можно было забыть обо всём. Обо всём позаботится возлюбленный.

Девушка поджала губы и крепко прижалась к парню.

Он смотрел на возлюбленную своими светло-кариими глазами, отдающими сейчас зеленоватым блеском. На левый глаз залезли тёмно-коричневые волосы, уложенные ему девушкой на её вкус. Одна рука парня была закинута за спину возлюбленной, вторая сжимала её ладонь, поэтому поправить надоедливые копны волос не было никакой возможности.

Справа из-за соседнего столика встали два придурковатых подростка и направились к выходу. Парень быстро перевёл на них уставший, но, в то же время, грозный взгляд и, за мгновение убедившись в том, что никакая опасность с той стороны не угрожает его закрытому от посторонних счастью с любимой девушкой, вернул его обратно на прекрасные иссиня-чёрные локоны возлюбленной.

«Обзорка на 360..., — вспомнил он слова учителя, — Отдых без отдыха, контроль без контроля...»

— Тебе не понравился отрывок? — спросил парень возлюбленную.

Та, так удобно устроившаяся на плече, немного сонно ответила:

— Мне очень понравилось, но я видела себя в белом пла-

тье.

— Ты и фавна увидела на пне, а не на камне! — засмеялся возлюбленный.

— Ну, с фавном согласна. С платьем – нет. Мне лучше знать, дорогой.

И она потянулась к его шее. Элегантный язык прошёл за ухом снизу вверх, отчего всё тело парня покрылось приятными мурашками.

Возлюбленный повернулся к игривому лицу девушки и, азартно ухмыляясь, вновь проглотил её изящные губы.

Закончив с губами, парень чмокнул девушку в лобик и сказал:

— Ты очень талантливая, дорогая. Я уверен, твой третий глаз не ошибся. Я просто романтик, и чёрное платье – это картина, которую я захотел воплотить в этом отрывке.

— Как скажешь, любимый. В твоё виденье, в отличие от тебя в моё, я не лезу.

Он вдруг вспомнил про милый набросок, на котором девушка изобразила танец. Парень закатил глаза:

— Ты прекрасно рисуешь! Я просто хотел уточнить, что фавн был на камне, а не на пне!

Девушка засмеялась:

— Да поняла я! На камне!

Они вновь посмеялись.

— Жаль, мы умеем танцевать только там, в том тонком мире, — сказал после умилительно-нежной паузы, напол-

ненной теплом объятий, возлюбленный, — Ты восхитительно танцуешь, любимая. Надо будет нам с тобой научиться танцевать, чтобы исполнить мазурку, как тогда, в девятнадцатом веке.

Девушка засмушалась и сквозь это смущение заулыбалась:

— Ты тоже был хорош, дорогой. Особенно тогда, двести лет назад. Смешные у тебя были кудряшки и бакенбарды, конечно.

Парень закинул ногу на ногу:

— Ну, так это же фирменный стиль, мадам!

И снова они посмеялись.

Время «21:50». Пора было собираться уходить.

— Я на минуту отлучусь, — сообщил возлюбленный, и после прозвучавшего в ответ «ага», удалился.

Полупустой туалет освещало множество ярких белых светильников. Парень вышел из кабинки и встал напротив раковины, начав намыливать руки. Рядом бритый «под ноль» мужчина в чёрном пальто домыл руки и поправил перед зеркалом невидимую причёску. С грохотом за ним наконец закрылась дверь в туалет. Возлюбленный остался в комнате один.

Спешно помыв руки в холодной воде, парень выключил звенящую в тишине воду крана. Посмотрел в зеркало.

Всё то же наглое лицо. Бешеные, испуганные глаза. Уложенные возлюбленной волосы на лбу. Торчащие уши, крас-

новатый от недавней простуды нос. Чёрная водолазка с закатанными рукавами и мятые брюки на худом, «твёрдом» теле.

Парень облокотился о противно-белую раковину. Устало вгляделся в своё лицо.

«Мне восемнадцать, а я уже вижу морщины». — разглядывал он искривлённые от несчастий линии на лбу.

Глаза.

«Это мои глаза? — всматривался он всё глубже, — Я — это вообще я?»

Успокоился. Расфокусировался. Перевёл сознание вглубь себя. Посмотрел на картину с края другой, более тонкой реальности. Вгляделся в себя третьим глазом.

Из зеркала на парня смотрела всё та же фигура в чёрной водолажке и мятых брюках. С тем же милым браслетиком от возлюбленной. Одно было по-другому.

Вместо своего лица парень видел бледный, зеленоватый череп.

Холод. Боль.

Одиночество.

«Запах земли, — чуял он, — запах смерти».

Перед глазами проносится осознание: «что, если мне осталось жить меньше года?»

Фокусировка в обычную реальность.

Никаких чувств. Никаких эмоций. Только пустота, съедающая изнутри.

Парень отвёл уставший взгляд от зеркала, вышиб дверь

туалета резким движением руки и вернулся обратно в свою закрытую от посторонних счастливую реальность.

Любимая всё там же, сидит на диванчике за столиком. Что-то листает в телефоне. Парень подошёл, крепко обнял её и погладил по голове.

— Пойдём? — спросил он с привычной спокойной улыбкой.

Заботливо предложив куртку и накинув на шею дамы бордово-красный шарф, парень и сам оделся. Взявшись за руки, пара направилась на выход из торгового центра.

Морок

Перед отъездом из Москвы Льва Николаевича Толстого дважды чуть не убили.

Два покушения за один год. Первый – чуть не столкнули под машину, но сломали ногу. Ступня соскользнула с бордюра и сложилась под девяносто градусов. Второй – кубарем спустили с холма и чуть не положили лицом на торчащую из ниоткуда арматуру.

Это был не переезд из Москвы в Смоленск. Это было бегство. Без гроша в кармане с грузовиком книг, дорогих вещей и любимой собакой, найденной восемь лет назад у обочины где-то в глухой деревне в тридцатиградусный мороз.

Смоленск. Родной город. Здесь Лев Николаевич родился и прожил пол жизни. Застал Брежнева, кагэбэшного Андропова, Черненко (казалось, в те годы по телевизору балет крутили нон-стопом), Горбачёва и свежий бриз его перестройки. Голосовал за Ельцина, стоял в армии на посту при обстреле Белого дома. Видел, как в нулевые из города стала уходить жизнь. Как художники, музыканты, вся творческая интеллигенция, с каждым членом которой он был лично знаком (со многими из которых спал), постепенно разъехались то в Польшу, то в Беларусь, то в Москву. Вот и сейчас, вновь вернувшись, Толстой наблюдал за тем, как последние его знако-

мые вдруг оказались на границе с Грузией.

Ещё до того, как родной Смоленск снова потерял в глазах Льва Николаевича святое восхищение, Толстой заново обследовал город вдоль и поперёк.

Знакомые улицы старого города и дома, перестроенные в сталинское время после бомбёжек Второй Мировой, не переставали вгонять его в воспоминания.

«Вот в этом доме мы бухали три дня, — думал он, вглядываясь в обветшалый бледно-жёлтый фасад здания, уродливо залепленного кондиционерами и пластиковыми окнами, — А в этом жила старая подруга... Жива ли ещё? А это институт, из которого меня отчислили и при всех выгнали из комсомола...»

Лев Николаевич ходил вокруг Крепостной стены и вспоминал, как по молодости он с друзьями подолгу исследовал её обветшалые вековые стены, пережившие Смуту, Наполеона и ужасы двадцатого столетия. Теперь все входы были заложены дешёвым рыжим матовым кирпичом. Стена стояла, как надгробие древнего города – пустая, заросшая, вечно одинокая, никому ненужная.

«Столетия обособленности кривичей, Смоленское княжество, власть Литвы, Польши... — иногда думал Толстой, приходя к церкви Архангела Михаила на Пристани, — Вот она, домонгольская твердыня! Сколько же она видела... И ради чего? Ради чего...»

От сирени, украшавшей холм под церковью, которую так

часто любил рисовать Лев Николаевич в молодые годы, ни осталось даже пеньков. Всё спилили, всё выкорчевали. Всё изуродовали. Голый холм, голая церковь, голая жизнь.

«Нищая жизнь,» — всё чаще и чаще прогонял в своей голове Толстой.

В кармане мятая купюра в тысячу рублей. Что купить на эти деньги? Крупа и кости для собачьей каши, масло, немного мяса, пачка сигарет. Всё.

«И какое здесь вегетарианство? Ем с собакой одну кашу...»

Лев Николаевич жил на подавания. Пенсионный фонд отказывался выделять ему деньги, ссылаясь на отсутствие стажа работы на государственных предприятиях. Идти на работу Толстой отказывался из принципа и из усталости, которая делала подвигом даже вставание по утрам.

Дни в Смоленске тянулись годами. Родной и любимый город пожирал изнутри.

Каждое утро Лев Николаевич вставал с простыни, постеленной на скрипучем деревянном полу старой однокомнатной квартиры, шёл выгуливать собаку.

— Килька, брось, сказал! — срывал он на неё голос с утра пораньше, заведя, как та подбирала с помойки кости, — Дома не кормят?

Жалостливые глаза безмолвно отвечали: «не кормят» ...

Вернувшись домой после прогулки, Толстой выпивал стакан тёплой воды для лучшего пищеварения, кормил Кильку

и, сам не поевши, садился за рассказ. Под вечер, перечитав написанное, он комкал рукописи, бросал их в кучу скомканных листов в углу комнаты, кормил собаку, завтракал, вновь шёл на прогулку, после чего возвращался и ложился спать.

Так продолжалось до тех пор, пока Толстой не переболел ковидом.

Приход болезни он впервые осознал, когда, почувствовав себя плохо, зажёл индийские благовония и понял, что не чувствует их запаха.

На звонок скорая помощь отреагировала примерно так:
— Мы незамедлительно приедем.

После чего приехали они ровно через два дня после третьего подобного звонка, когда Толстой, закутавший себя под несколько одеял, бился на полу в ознобе после регулярной утренней прогулки с Килькой. Врачи прописали антибиотики и ретировались из мрачной квартиры.

Лев Николаевич болел две недели. Несколько раз он чувствовал себя на грани испускания духа из тела. Несколько раз он чувствовал себя лучше, после чего с новой силой окутывался болезнью.

Всё это время Толстой знал одно – ему помогала его старая подруга, цыганка по имени Светлана. Именно она была рядом с ним своим духом, сопровождала его на протяжении всей болезни. Сопровождала ментально, конечно, потому что Светлана не могла выходить из дома из-за своего почётно-го возраста и атрофии ног.

Так, наконец выздоровев, Лев Николаевич направился навестить цыганку, поблагодарить её за поддержку.

Светлана жила на окраине Смоленска, неподалёку от Тихвинского кладбища. Старые цыганские дома, наполнявшие весь район, жутко стояли вдоль улицы, перекашиваясь одно на другое. Изредка попадались бандитские особняки новых русских, построенные из украденных кирпичей в девяностые годы. За заборами то и дело подрывались сторожевые псы, оглашая на всю округу глушащий лай: «чужак идёт».

Лев Николаевич никогда не любил здесь ходить. Вообще, к цыганам он всегда относился с осторожностью. Но Светлана – особый случай. Её знала ещё мать Толстого. А что говорить про мать самой Светланы! Ещё сорок лет назад её знал весь Смоленск. Известная знахарка и гадалка, она передала все свои знания и Светлане. Часто в детстве Толстому доводилось видеть эту семейку у себя же дома. За тем же маленьким деревянным столиком, за которым теперь Лев Николаевич обычно завтракал по вечерам, цыгане в те времена распивали чай с его матерью.

Вернувшись в Смоленск из Москвы, судьба вновь свела Толстого со Светланой.

— Ну, сердце моё, рассказывай, — начала Светлана, встретив Льва Николаевича и предложив ему недавно приготовленный обед (борщ с крупно порезанной свёклой, чёрный хлеб и чай), — как ты себя чувствуешь?

Толстой сел за предложенный ветхий стул в обширной

кухне. Слово «обширный» подошло бы всему быту цыганки в целом. Масштабный земельный участок (на котором, впрочем, не росло ничего, кроме посаженной Львом Николаевичем фасоли), высокий забор из серого кирпича (правда, с дырами и множеством мест, через которые можно было легко пробраться на участок, но здесь была важна помпезность и статус, а не логика и здравый смысл), огромный дом в три этажа из такого же кирпича. Плоская чёрная (скорее всего, изначально синяя, но вследствие потускневшая от времени и дождей) крыша, спадающая по кромке. Рыжая труба. Три бетонных ступени на входе. Большое крыльцо со множеством пепельниц. Абсолютная безвкусица вкупе с большим количеством денег.

Внутри всё было настолько же обширно. Длинные лестницы, высокие потолки, гигантские пустые пространства с навечно недоделанной отделкой стен. Пыльные картины, ужасно-зелёные обои, портрет покойной матери-цыганки в главной комнате.

Дом населяло большое цыганское поголовье. Сама Светлана, её такой же обширный, как и всё в доме, тридцатилетний безработный сын, тощий, как смерть, муж и двое рабочих, что в теории должны были следить за порядком в доме и на земельном участке, но фактически просто занимали пустующие комнаты огромного дома.

Старый тёмный подвал. Комната Светланы, в которую кроме неё никому и никогда нельзя было заходить.

— С твоей помощью намного лучше, Света, — ответил Лев Николаевич, — Расскажи, ты со всем справляешься? Как твои ноги? Неужели, ты одна готовишь всем этим олухам? — он косо посмотрел в сторону комнаты сына Светланы.

Цыганка, с полного морщинистого лица которой не сползала улыбка, весело подняла руки (ой, как сейчас расскажу обо всех своих несчастьях) и сложила их на столе. На четырёх из десяти пальцев виднелись золотые кольца.

— Ноги – это не то слова, Лёвочка! Всё болит, ой как болит...

И они долго беседовали о том, что у кого болит.

— Сердце, Света, — наконец, прижав правую руку к своей груди, сказал Лев Николаевич так волнующее его долгое время, — очень болит за Марину.

Цыганка опустила глаза. Поджала серые губы.

— Понимаю, Лёвочка, — кивала она сочувственно.

Лев Николаевич с надеждой взял руку Светланы. Вгляделся в её лицо своими бледно-голубыми, посеребрившимися от слёз, чистыми глазами, за которыми скрывались необъятная мудрость и сила. Один глаз глядел сквозь цыганку, пронизывая тело, в самую душу. Второй глаз был будто не здесь, а где-то далеко, не на этой планете. Глядел в бесконечный космос.

— Как она, Света? — уповая хоть на щепотку новостей, спросил он.

Цыганка, поражённая такой резкой сменой атмосферы,

сглотнула ком в горле:

— Порча очень сильная, Лёвочка.

Внешне Толстой остался на изначальном месте, не подавая виду чувствам. Но внутри него всё будто перевернулось, скомкалось в лист тех рассказов, которые Лев Николаевич каждый день бросал в угол комнаты. Глаза не испугались. Душа Толстого была бесстрашна, она видела очень многое, и новость о порче не стала новинкой. Но что-то внутри всё равно дрогнуло.

— Кто это сделал? Что за порча? — лихорадочно цеплялся Толстой, — Расскажи мне всё, Света. Я должен знать.

Цыганка вздохнула. Посмотрела на него леденяще-чёрными змеиными глазами:

— Весной прошлого года ей сделали приворот на яйце. Я видела, что это оmlет. Добавили в него каплю крови.

Толстой, до этого прямо сидевший, облокотился на спинку ветхого стула.

— Это сделала её подруга, ты о ней мне рассказывал, — продолжала Светлана, — Завистливая баба. Позавидовала вашей любви.

Внутри Льва Николаевича всё закипело от гнева:

— Тварь! — ударил он кулаком по столу.

Цыганка невозмутимо продолжала:

— Но ей было мало. Марина – сильная. И любовь ваша была настолько сильная, что она вернулась к тебе после вашей короткой ссоры. Подруга не вынесла этого, пошла к

ведьме. Ведьма сделала порчу на смерть.

Толстой не отпускал руки от сердца. Так сильно оно болело. Так сильно переживало за любимую.

— Тогда ты спас её. Ты сам помнишь эту историю. Спустился на самое дно, чтобы вытянуть её из пучины. Осветил тьму светом своей любви.

Лев Николаевич механично кивал.

— Тебе нужно было оказаться в больнице раньше её подруги, — продолжала цыганка, скрестив руки на животе, — Марине что-то сказали. Что — даже я не знаю. Но после этого она стала сама не своя. Тебе запретили её навещать, так как этого захотела сама Марина. Порча очень сильная. Я такого раньше не встречала.

Лев Николаевич взял кружку и отпил уже остывший чай.

— Какая Марина сейчас? — спросил он, — В соцсетях почти ничего не выставляет. С ней всё хорошо?

Цыганка вяло покачала головой:

— Порча сама собой не пройдёт со временем. Она может лишь укорениться. Материально с ней всё хорошо. Во всех остальных смыслах — точно нет. Она часто плачет, ты сам это чувствуешь. Не может найти себе место. Думает только о тебе...

— Почему же она не напишет?! — не понимал Толстой.

Цыганка провела рукой вниз: «потихе».

— Порча работает против встречи с тобой. «Чтобы не сошлись» было сказано. А порча — это такая вещь — не хочешь,

а делаешь. В её случае – не делаешь.

Толстой резко встал и наклонился над цыганкой:

— А ты, — начал он, почти умоляя, — ты можешь что-нибудь сделать?

Цыганка медленно и печально кивнула, не смотря Толстому в глаза. Её рука вдруг поднялась и пальцы потёрлись друг о друга: «это будет стоить денег».

Толстой вновь выпрямился и понимающе закивал.

Вдруг он раскрыл подол куртки и достал оттуда скомканные пятитысячные купюры.

— Двадцать пять тысяч, — сказал он, — всё, что есть.

Цыганка удивлённо кивнула и молча взяла деньги.

— Сделаю всё, что смогу, Лёвочка. Ваша любовь должна жить.

Вдруг она взяла его за руку и с доброй улыбкой шепнула:

— Ты помнишь, кто я?

Лев Николаевич засмеялся:

— Да, Софья Андреевна! Конечно, я тебя помню.

Жена Льва Николаевича Толстого вновь усадила его на стул.

— Нисколько не изменился с позапрошлого века. Глаза у тебя всё те же, — она сделала недолгую паузу, — Я не предала тебя тогда. И в этой жизни не предаю, ты же знаешь.

Толстой кивал с доброй улыбкой.

— Знаю, Соня.

Они ещё какое-то время мило беседовали о делах мир-

ских. Затем Лев Толстой благополучно покинул дом жены и направился к себе в однокомнатную квартиру, выгуливать Кильку.

Софья Толстая ещё какое-то время смотрела туманными глазами с крыльца на удаляющуюся фигуру мужа. Вскоре после этого сын цыганки помог ей добраться до её комнаты.

Софья Андреевна открыла старую, наполовину исписанную большую тетрадь. Зажгла церковную свечку. Нашла нужную страницу. Начала шептать:

«Чтобы не сошлись. Чтобы голову от меня потерял. Чтобы был моим. Чтобы был только моим...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.